

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава первая,*
в которой Филипп Адамсон следует за белым кроликом
и теряет свою лучшую шляпу 5
- Глава вторая,*
в которой кухарка миссис Мейси задаёт неудобные
вопросы, мисс Данбар, откликнувшись на зов весны,
мечтает о сервисе на двенадцать персон,
а мистер Бодкин демонстрирует находчивость
и трезвый расчёт 12
- Глава третья,*
в которой мисс Гертруда Эппл одновременно являет
собой наглядный образчик поразительного трудолюбия,
выступает третейским судьёй, напоминает о верности
долгу, а также сталкивается с новыми затруднениями,
не успев разобраться со старыми..... 32
- Глава четвёртая,*
в которой Оливия Адамсон и мисс Эппл получают
письма, мистер Бодкин выволочку, Энни Мэддокс
новые украшения и запрятого врага, а Сент-Леонардс
прощается с Мэттью Перкинсом..... 52
- Глава пятая,*
в которой старший инспектор Тревишем предаётся
ностальгии и встречается с человеком из недавнего
прошлого, а Оливия Адамсон получает первый
категоричный отказ 70
- Глава шестая,*
в которой Оливия Адамсон, впервые последовав совету
старшего инспектора Тревишема, забывает о гордости
и получает второй отказ, уже не такой категоричный,
но при этом весьма болезненный..... 85
- Глава седьмая,*
в которой доктор Гиллеспи теряет важную для себя
вещь, но находит верное решение, мисс Эппл совершает
ход конём, а Оливия Адамсон дважды проходит
собеседование..... 99

- Глава восьмая,*
в которой сентиментальность Оливии подвергается порицанию, Сент-Леонардс навещают незваные гости, а Энни Мэддокс приобретает свежий экземпляр для своей коллекции и затевает новую волнительную игру.....119
- Глава девятая,*
в которой Оливия знакомится с королевскими особами, а также попадает на крючок и лучше узнаёт истинный нрав своей новой подруги 134
- Глава десятая,*
в которой Оливия навеки лишается способности испытывать умиление при виде котят, а мистер Бодкин находит оружие в своей борьбе за место директора и становится невольным виновником последующей за этим трагедии.....153
- Глава одиннадцатая,*
в которой мисс Данбар раздосадована словоохотливостью кухарки, Оливия Адамсон неожиданно получает предложение руки и сердца, а Энни Мэддокс намерена изрядно повеселиться 169
- Глава двенадцатая,*
в которой Энни Мэддокс во время чаепития ведёт себя безумнее, чем Шляпник, а леди Аннабель лишается головы 182
- Глава тринадцатая,*
в которой мистер Бодкин в высшей степени ошеломлён эффектом собственных интриг, злополучная пишущая машинка отправляется в утиль, а мисс Эппл продолжает сражаться за Сент-Леонардс.....198
- Междуглавие,*
в котором мисс Данбар отважно расстаётся с иллюзиями и модной обувью, а Оливия Адамсон многое узнаёт про некоторых обитателей Сент-Леонардса.....213
- Глава четырнадцатая,*
в которой пророчество мисс Лавендер исполняется с точностью до наоборот, а Оливия вновь становится полицейским осведомителем, но на этот раз неофициально.....228
- Глава пятнадцатая,*
в которой старший инспектор Тревишем испытывает невольное уважение перед изобретательностью Энни Мэддокс, сержант Добсон после обнаружения улики, кардинально меняющей ход расследования, страшно собой горд, а мисс Эппл готовится к аресту.....241

<i>Глава шестнадцатая,</i> в которой старший инспектор Тревишем подвергается внезапному и яростному нападению, после чего встречает прекрасную Фьяметту и пытается разгадать тайну ключа из коллекции Энни Мэддокс.....	254
<i>Глава семнадцатая,</i> в которой сержант Добсон не упускает случая составить компромат на старшего инспектора Тревишема, а Оливия Адамсон заключает сделку и врывается в чужой дом посреди ночи.....	280
<i>Глава восемнадцатая,</i> в которой Оливия сначала теряет, а затем вновь обретает надежду, после чего веряет свою судьбу духам ветра и воды и становится свидетельницей мистических ритуалов тайного общества.....	295
<i>Глава девятнадцатая,</i> в которой Оливия вновь изучает коллекцию Энни Мэддокс, находит кое-что ценное, делает важное открытие, а в довершение ко всему портит королевское имущество	310
<i>Глава двадцатая,</i> в которой Оливия идёт по хлебным крошкам, оставленным для неё Энни Мэддокс, после чего опять врывается в чужое жилище, но на этот раз не испытывает никаких угрызений совести	320
<i>Глава двадцать первая,</i> в которой ранним пятничным утром Филиппа Адамсона ожидал весьма приятный сюрприз, чего нельзя сказать о Томасе Хокли и Хильдегарде Данбар, а мисс Эппл ещё до завтрака успеваает поверить в десяток невозможных вещей	328
<i>Глава двадцать вторая,</i> в которой поступок миссис Мейси подвергается всеобщему осуждению, а кошки помогают Оливии Адамсон и старшему инспектору Тревишему выиграть битву.....	336
<i>Глава последняя,</i> в которой Оливия Адамсон исполняет данный ею обет, вследствие чего совершает головокружительную карьеру, в стенах Сент-Леонардса всё никак не иссякает череда чистосердечных признаний, а два десятка солнечных лучей повинны в том, что в жизни старшего инспектора Тревишема начинается новый увлекательный поворот	360
<i>Эпилог .....</i>	375

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Филипп Адамсон
следует за белым кроликом
и теряет свою лучшую шляпу*

Ровно в два часа пополудни, погожим мартовским днём, мистер Филипп Адамсон ступил на мостовую Спитал-филдса — местности, которую сами жители этих лондонских трущоб ласково именуют «преисподней». Худощавый молодой человек в элегантной серой шляпе, небрежно сдвинутой на затылок, и добротном шерстяном пальто внимательно смотрел под ноги и оглядываться тоже не забывал.

Будучи осведомлен о нравах и порядках этой части лондонского Ист-Энда, он тем не менее не ожидал с ходу подвергнуться тем испытаниям, что его ждали. В последующую четверть часа его трижды чуть не облили помоями, пролетевшими в паре дюймов от тщательно отутюженных брюк, дважды обругали «чёртовым чистюлей» и один раз в мгновение, буквально из ниоткуда возникшей толпе, едва не вытащили бумажник и часы.

В довершение к этому, когда молодой человек завернул за угол Вентворт-стрит, перед ним предстала неприглядная картина.

Пятеро мальчишек лет десяти-двенадцати, встав широким кругом и хрипло подначивая друг друга, толкали из стороны в сторону кого-то тщедушного и босого, чью голову до самых плеч скрывала дырявая кастрюля без одной ручки. Из-под кастрюли доносился гнусавый рёв, но слов было не разобрать.

Долго не размышляя, мистер Адамсон, и так порядком утомлённый яркими впечатлениями, которые дарит Спиталфилдс своим гостям, подошёл вплотную к стайке мальчишек, вошедших в раж, и, улучив момент, выдернул жертву грубой забавы из круга мучителей. Одновременно он завёл тщедушного мальчика себе за спину, расправил плечи и залихватски сдвинул шляпу ещё дальше на затылок, чтобы её поля не закрывали обзор.

— Уши надеру, — пообещал он флегматично, обводя взглядом каждого из ребят и безошибочно выделяя главного — мальчишку повыше остальных с рассечённой губой и сбитыми кулаками. — Каждому. Начну с тебя, — теперь мистер Адамсон обращался напрямую к жожаку, игнорируя его растерянных приспешников. — И между прочим, если вам это интересно, джентльмены, на углу у Сэндис-Роу опрокинулся фургон бакалейщика. Лакричные тянучки уже расхватали, но вот кексов ещё...

Не успел он договорить, как уличную шпану унесло ветром даровой наживы в сторону Бишопсгейта. О мостовую вяло, на излёте, ударились пару камней, но на это мистер Адамсон реагировать не стал, понимая, что проигравшему важно сохранить лицо.

Под дырявой кастрюлей обнаружилось чумазое ребячье личико, увешанное соплями. Глаза мальчишки опухли от слёз, он икал и сквернословил на удивление гнусавым голосом и пытался лягаться, точно маленький злобный пони. На вид ему было не больше пяти, однако брань, вылетающая из его уст, внушила бы уважение и старому докеру.

— Ну, хватит, хватит, — попытался успокоить его молодой человек, взяв за руки, но тот вдруг зашипел и принялся извиваться, будто угорь, не прекращая, впрочем, весьма продуктивно лягаться.

— Эй-ка, мистр! А ну-ка, щас же руки прочь от Джонни! И не вздумайте его отлупить! Тётка Джейни шкуру с вас спустит, если вы его отлупите!

Мистеру Адамсону, так некстати попавшему в переплёт, пришлось отбиваться уже от двоих: второй мальчишка, постарше первого, чрезвычайно ловко заехал ему кулаком под ложечку и лягнул бы в колено, не успей тот отпрыгнуть.

— Да хватит уже! — рявкнул молодой человек, чьё терпение подошло к концу. — Смотреть надо лучше за братом! Тут трое его чуть не отлупили, да я, дурак, вмешался на свою голову.

— Дак это, сбёг он опять. Под забором пролез, где собаки лезят. — Мальчишка, мгновенно успокоившись, пожал плечами и отвесил брату ласковый подзатыльник, чтобы тот перестал реветь. Рёв моментально прекратился, как если бы на вихрастом затылке, под слипшимися от грязи волосами, скрывался тумблер. — А это, мистр, ваше? Выронили, небось? — мальчишка указал мыском потрёпанного ботинка на пухлый бумажный свёрток, валяющийся на мостовой.

Дети так жадно уставились на него, что было невозможно просто убрать его в карман. Молодой человек развернул пергамент и достал из него сначала один сэндвич из белого хлеба, вручив его самому младшему, а затем и второй, для старшего брата.

Сэндвич Джонни моментально исчез, словно его и не было. Насытившись, ребёнок довольно облизал грязные пальцы, шлёпнулся на мостовую и принялся весело лупить по перевёрнутой кастрюле ладошками, жмурясь от весеннего солнца и позабыв, казалось, обо всех неприятностях. Недавние слёзы, прочертившие бледные дорожки на чумазых щеках, успели высохнуть, и он тихо смеялся, наслаждаясь немелодичными звуками и поджигая посиневшие босяе ступни. Второй же мальчишка, сглотнув слюну, убрал сэндвич в карман, хмуро пояснив:

— Домой заберу. Сестрёнка у нас хвора. Тётка Джейни грит, толку от неё, прорвы ненасытной, не будет, дак ведь есть-то ей всё равно хочется.

— Пироги тут рядом где-нибудь продают? — со вздохом поинтересовался мистер Адамсон, придерживая шляпу и отряхивая брюки. — С мясом, с печёнкой или ещё с чем?

Эти слова заставили Джонни прекратить насилие над слухом окружающих. Кастрюля была тотчас забыта. Он запрокинул голову, широко распахнул глаза, и стало понятно, что они у него такие же, как и у брата — светлые, точно талая вода, обрамленные пушистыми белёсыми ресницами.

— А как же, сэр! — оживился старший, весь подобрившись. — В лавке, что за ломбардом, сэр! И с мясом, и с картошкой, сэр, и по пенсу, и по два! И с яблоками, и с угрями, и со свиными головами...

Ребёнок, сглатывая слюну, мечтательно перечислял ассортимент лавки, неосознанно копируя манеру уличных разносчиков, пока что-то не заставило его взять брата за руку и отступить, подозрительно щурясь.

— А делать-то что надо будет, а, мистр?

— Когда?

— Когда вы пирогов купите. Я тырить никак не могу, мистр. Тётка Джейни у нас шибко строгая, грит, если заметут, то шкуру с меня спустит. А от Джонни толку нету, малахольный он, да и мал ещё.

Покрасневшие веки, бесцветные волосы, остриженные так коротко, что розовые уши просвечивали на солнце, придавая ему отчётливое сходство с кроликом — мальчишка, ловко закинув младшего брата на спину, готов был в любой момент пуститься наутёк, и только надежда раздобыть еду удерживала его на месте.

Мистер Адамсон обвёл взглядом бесконечные ряды прокопчённых дымом и гарью двухэтажных домов, сливающиеся с серой мостовой. Солнце скрылось за облачными

тюфяками, и Вентворт-стрит вновь стала тем, чем и являлась — трущобной улочкой Восточного Лондона, куда даже полицейские не рискуют соваться без крайней в том нужды. Вздохнув, он светски предложил:

— Давайте договоримся так, джентльмены. Вы с Джонни покажете мне дорогу до... — он вынул из кармана записку и сверился с адресом: — Олд-Монтегю-стрит, а я на обратном пути куплю вам дюжину пирогов. Идёт?

— Дюжину?! А не врёте?

— Разрази меня гром, — заверил молодой человек и показал блестящий шиллинг, впрочем, тут же предусмотрительно вернув его в карман.

Воодушевлённые предстоящим пиршеством, дети устремились вперёд столь резво, что даже длинноногий мистер Адамсон с трудом за ними поспевал. И маленький Джонни, и его старший брат, чьё имя так и осталось неизвестным, отлично ориентировались на местности, зная все лазейки и короткие пути, ведущие к Олд-Монтегю-стрит. Мистер Адамсон, вполголоса чертыхаясь, вслед за ними протискивался меж домов, жавшихся друг к другу так тесно, что приходилось поворачиваться боком; пробирался задними дворами, стараясь сохранять невозмутимость, когда за спиной раздавалось рычание потревоженной стаи бродячих псов или площадная брань угрюмых хозяек; и петлял в лабиринтах серых простыней, источавших больничный запах карболки и фабричной гари.

Вскоре низкие дома ленточной застройки уступили место многоэтажным, и пейзаж кардинально изменился. Здесь не лаяли собаки, а бельё сушили на длинных балконах, опоясывающих строение по всему периметру. Туда же выходили и окна, отчего издалека дом казался картонной коробкой, густо завешанной носовыми платками. Впечатление этот район производил ещё более гнетущее, и у мистера Адамсона впервые мелькнула мысль, что его попросту заманили в ловушку.

Молодой человек обернулся, но дети так же, как и он, хмуро смотрели на оживлённую Коммершиал-стрит. Маленький Джонни плюхнулся на землю и сжал ладошками озябшие ступни, а старший поковырял мостовую мыском ботинка и сообщил:

— Дальше мы не пойдём, мистр. Нам на ту сторону нельзя, отлупят.

Видно было, что мальчишке до слёз не хочется отпустить в свободное плавание того, кто так щедро обещал расплатиться за услуги проводника, но и на чужую территорию он соваться не осмеливался, справедливо опасаясь неминуемой кары за нарушение неписаных уличных законов.

У мистера Адамсона перспектива самостоятельно искать обратную дорогу тоже энтузиазма не вызвала.

— Вот, держи, — он вынул двухпенсовик. — Остальное получишь пирогами, как условились, но только если дождёшься меня на этом самом месте.

— Ей-богу, мистр, с места не сойду!

Светлые глаза мальчишки довольно заблестели, и двухпенсовик скрылся в лохмотьях, как его и не было. Так же быстро исчез и мистер Адамсон, который вступил в толпу разносчиков с огромными корзинами, газетчиков, рабочих, докеров в ослиных куртках и уличных торговцев, заполняющих в разгар буднего дня главную артерию этой местности — Коммершиал-стрит, ведущую к одноимённой дороге и далее к мокрым докам Собачьего острова. В плотном людском потоке среди пыльных кепок, котелков и круглых маленьких шапочек ласкаров какое-то время плыли его щегольская серая федора и высоко поднятый воротник пальто, но проехал фургон, затем второй, и они пропали из вида.

Однако двухпенсовик мальчишку успокоил. Поглаживая в кармане острый край монетки, он приготовился

ждать, не обращая внимания на хныканье уставшего Джонни, зябнувшего босиком на стылой мостовой.

Через час подзатыльники действовать перестали, и ему пришлось снять ботинки и засунуть в них ноги брата. Ещё через два они разделили пополам сэндвич, который так дразняще пах копчёной рыбой, что благие намерения отступили перед урчанием в животе. В пять часов мальчишка занял освободившийся после газетчика закуток и, прислонившись спиной к подвальной двери скобяной лавки, посадил икающего Джонни себе на колени.

От мостовой веяло холодом. Устав наблюдать за мельтешением ног и колёс, дети, прижавшись друг к другу, погрузились в сонное оцепенение. Колокола церкви Святого Дунстана прозвонили вечерню, протяжные звуки растворились в лиловых сумерках, знаменуя окончание дня, и уже не оставалось никаких сомнений, что не видать им ни щедрого мистера, ни шиллинга на пироги.

Хрипло выругавшись, мальчишка принял это стоически. Не первый раз, подумаешь. Двухпенсовик тоже согдится. Он снял с сонного брата ботинки, обулся, закинул тощее тельце на спину и резво побежал в сторону дома, торопясь успеть до темноты.

Про чистюлю-обманщика мальчишка уже и думать забыл, и очень бы удивился, если б узнал, что первой мыслью Филиппа Адамсона, очнувшегося ничком на тряском полу фургона среди утинового пуха и куриного помёта, было воспоминание о двух голодных детях, так и не дождавшихся обещанных пирогов.

Подскакивая на бульжной мостовой, фургон с мистером Адамсоном удалялся в сторону Бетнал-Грин, а модная серая шляпа так и осталась валяться в грязной луже, в неприметном проулке в двадцати ярдах от Олд-Монтегю-стрит.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой кухарка миссис Мейси задаёт неудобные вопросы, мисс Данбар, откликнувшись на зов весны, мечтает о сервизе на двенадцать персон, а мистер Бодкин демонстрирует находчивость и трезвый расчёт

Что-что, а пироги с патокой у миссис Мейси всегда удавались на славу. С рассыпчатой песочной кромкой, подрумяненные до карамельного цвета и благоухающие имбирём, лимонной цедрой и мускатным орехом — устоять перед таким угощением было трудно. Вот и мисс Данбар, вошедшая в кухню Сент-Леонардса с чёрного хода, не сумела скрыть своего восхищения.

— Ну, надо же, миссис Мейси, вы уже управились! — восхитилась она, и кухарка, вытаскивая из недр духовки последний противень, довольно хмыкнула, расслышав в тоне старшей гувернантки лёгкий намёк на подобоострастие. — И когда вы всё успеваете?

Мисс Данбар и сама медлительностью не отличалась, но кухарке, безусловно, была приятна похвала подруги. Пока та снимала перчатки, отцепляла новенькую, довольно кричащую розовую шляпку и с жадным интересом рассматривала ровные ряды пирогов, остывающих на выскобленной до белизны столешнице, миссис Мейси сняла с огня чайник и щелчком раскрыла банку с заваркой.

— Люблю, знаете ли, возиться с тестом, когда никто под ногами не путается. Старшие ещё в классах, за младшими мисс Чуточка присматривает с мистером Бодкиным,

что-то там они такое мастерят для мисс Лавендер особенное. Или дверцы опять красят? — миссис Мейси недовольно принялась, зажмурилась, как человек, собирающийся со вкусом чихнуть, однако справилась с собой и снова взялась за чайник. — Не хотите ли выпить со мной чашечку, мисс Данбар? И пирога по кусочку, да? Хотя у вас, наверное, столько дел, столько дел... — кухарка вздохнула с притворным сожалением. — И чаю, поди-ка, выпить некогда, не то что по своим секретным делам отлучиться на час-другой, пока мисс Эплл в комитете.

Старшая гувернантка слегка покраснела, но кусок ещё тёплого пирога с тягучей пряной начинкой показался ей достойной платой за дружескую шпильку.

— А мисс Эплл, она... давно вернулась? Спрашивала меня?

— Меня лично — нет, не спрашивала, — заметила кухарка с нарочитым равнодушием, будто бы ей и дела нет, кто, куда и по какой надобности уходит среди дня, и сполоснула пузатый фаянсовый чайник кипятком. Всыпала две ложки заварки, подумала и добавила ещё половинку. — Вот я и говорю: кот из дома, мыши в пляс — это дело известное. Как такси отчалило — так я сразу к окошку. Гляжу — вот она вы, идёте себе, вся взволнованная такая, даже зонтик свой знаменитый не взяли, ну, думаю, значит, дела у неё срочные. Стала бы, думаю, мисс Данбар просто так среди дня всё бросать, если б не срочные дела? Тем более что новенького ждём. А потом гляжу: ещё одна голуба бегом бежит — шарфик по ветру. Ну, эта Лавендер понятно куда — опять там Джимми или Фредди, или, может, вовсе Уильям какой. И только я от окна отойти хотела, а там... — кухарка сделала театральную паузу, приподняла крышечку чайника и с подчёркнутым интересом уставилась на заварку.

— Господи, да кто же там был-то, миссис Мейси? Не иначе король Эдуард со свитой и почётным караулом?

— Бодкин, милочка, мистер Бодкин там был, — кухарка дала понять, что сарказм собеседницы считает неуместным, но выше того, чтобы обижаться. — И такой он странный был... Стоял, стоял, что-то всё прикидывал... А потом как припустит в сторону Стратфорда, туда куда-то, на восток, — и она махнула краешком полотенца, свисавшего с плеча. — Да ещё быстро так, будто черти за ним гонятся. Ну а я дальше уж смотреть не стала, у меня своих дел полно, дай бог управиться. Мне расхаживать некогда, — подытожила миссис Мейси и принялась, не глядя на подругу, разрезать самый маленький пирог, то и дело окуная нож в горячую воду и неодобрительно вздыхая.

Обе женщины погрузились в молчание. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте в пользу кухарки и различия в комплекции (из мисс Данбар могло бы получиться две или три средних гувернантки, а миссис Мейси была так худощава, что в её внешнем облике ничто не намекало на профессиональную принадлежность), имелось в них обеих что-то невероятно схожее. И дело тут не в форменных платьях из практичной тёмно-синей саржи, и не в тускло-каштановом оттенке волос, который встречается у каждой третьей англичанки. Скорее, сходство это достигалось одинаково упрямым выражением лица вследствие многолетней работы бок о бок, которая для обеих стала заменой и семейного очага, и дружеского круга.

— Ну вот, я и говорю, мне-то, в отличие от некоторых... — начала было опять ворчать кухарка, выкладывая куски пирога на блюдо, но мисс Данбар перебила её, наконец, решившись на откровенность.

— Я ездила в Клэпхем! К мадам Жозе́ф!

— Это кто ещё такая?!

Больше не нужно было напускать на себя равнодушный вид, и миссис Мейси от любопытства чуть не расплескала чай.

Мисс Данбар оглянулась убедиться, закрыта ли дверь. В таком месте, как Сент-Леонардс, никогда нельзя быть уверенным, что тебя не подслушивают.

— Мадам Жозеф — потомственная ясновидящая. Из лучших! Не какая-нибудь там шарлатанка, миссис Мейси, не подумайте! — шёпотом сообщила гувернантка, предвосхищая недоверие подруги. — Настоящая! У неё и карты, и шар, и по руке она может, и на кофейной гуще...

— Господи! Это кто ж вас надоумил-то? И не страшно вам, мисс Данбар, с такими делами связываться? — кухарка покачала головой, всем своим видом осуждая подобное безрассудство. Однако любопытство взяло верх. — И что она вам наболтала? Верно, посулила выгодное замужество? — и миссис Мейси зашлась добродушным хохотом.

Гувернантку это веселье покорило. В самом деле, не такое уж у неё безнадежное положение, чтобы нельзя было и вообразить без смеха подобное развитие событий.

— Или нежданное богатство?.. А может, повышение по службе? — кухарка, отставив чашку, продолжала беззлобно хихикать. — Нет, а что? Станете тут всем заправлять вместо мисс Эппл. Комитет давно на неё зуб точит. Да и за то, что случилось во флигеле, они её крепко прихватят, вот увидите.

— Ну, раз вы так настроены, миссис Мейси, то я рассказывать не буду. И куда опять подевалась моя чашка? — мисс Данбар, нахмурившись, осматривала шкафчик с посудой для персонала.

— Нет уж, сделайте милость, дорогая, — кухарка молниеносно подложила на блюдце подруги ещё один кусочек пирога. — А чашку Энни прихватила, не иначе. Специально вашу синенькую берет, нахалка. Ну же, мисс Данбар, к чему такие тайны? Я же не говорю, что вы недостойны, просто все эти ясновидящие одно и то же всем болтают. Сестре моей, к примеру...

— Уж не знаю, к кому ваша сестра ходила, но вовсе не одно и то же. Мне мадам Жозеф ничего такого не обещала, — из упрямства sluкавила мисс Данбар, в памяти которой отчётливо запечатлелись слова ясновидящей о крестовом короле с марьяжным интересом и повышением по службе, и скорой перемене в личной жизни. Рассердившись, она не сдержалась и позволила себе дружескую шпильку: — С корицей вы чуть-чуть перебрали, миссис Мейси. Самую малость бы поменьше, и было бы как раз.

— Ну так могу вчерашних булок из кладовой принести, раз уж вам пирог не по нраву, — мгновенноотреагировала задетая за живое кухарка.

— Нет-нет, это я так... — сразу пошла на попятную мисс Данбар, однако обида была ещё свежа, и она продолжила с холодком, не глядя на подругу: — Если хотите знать, к мадам Жозеф даже из Вест-Энда приезжают, и запись к ней на три месяца вперёд. Пропустишь — никаких поблажек не жди, хоть ты герцогиня, хоть кто. И стоит приём целых два фунта. Думаете, стали бы ей такие деньги платить, если бы она всем одно и то же говорила?

— Ну, раз два фунта... — кухарка заколебалась. — И даже из Вест-энда... Нет, — предпочла она отступить, пока гувернантка вконец не разобиделась, — сестра моя к обычной ходила, за восемь пенсов. И записи к ней никакой не было. Она в парикмахерской работала, на Дилли-стрит, а супругник её помощником у мясника. Так что эта ваша мадам Жозеф-то? Интересное чего сказала? И как там у неё всё? Обстановка, и вообще?

— Обстановка шикарная, миссис Мейси. Квартира у неё с отдельным входом, из прихожей сразу кабинет, а с каким вкусом всё сделано! — мисс Данбар восхищённо прищёлкнула языком. — На стенах китайские обои, зеркала в золочёных рамах, всюду вазы!.. И манеры у неё как у леди, хотя с акцентом говорит. И строгая. Но карты когда